

МОРСКАЯ ЛЕКСИКА В ПРОИЗВЕДЕНИИ И. А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ «ПАЛЛАДА»

Т. ПРОКОФЬЕВА

И. А. Гончаров совершил морское путешествие в 1852—1855 гг. в составе экспедиции, посланной царским правительством для заключения торгового договора с Японией. История плавания русского фрегата «Паллада» к берегам Японии стала основным тематическим стержнем его произведения. Путешествуя «по казенной надобности» в качестве секретаря при начальнике экспедиции адмирале Путятине, И. А. Гончаров получил наглядный урок «из истории и географии» и затем преподнес его своим читателям, написав очерки — художественный отчет о путешествии. Энциклопедичность тем и вопросов, затронутых им, глубина анализа сообщаемых фактов, стройность и продуманность архитектоники очерков и, наконец, «свободный», «любящийся», по выражению Белинского, язык Гончарова создали очеркам репутацию шедевра в жанре путешествий.

Название книги — «Фрегат «Паллада» — подчеркивает, что морская тема занимает в очерках одно из центральных мест, хотя, конечно, далеко не исчерпывает всего идейно-тематического богатства произведения. Она решена Гончаровым в очерках в подчеркнуто реалистическом плане, так как «Фрегат «Паллада» является практическим применением эстетических принципов Гончарова, боровшегося против романтизма «на суше и на море». Суровые будни тяжелого морского похода, борьба со стихиями, быт моряков лишены в произведении Гончарова романтического ореола. Однако мужество и героизм русских моряков, их готовность к подвигу правдиво отражены в очерках.

Журнал «Морской сборник» в 1862 году в № 5 и 6 поместил рецензию Н. Рыкачева, в которой сравнивается изображение морской жизни в произведениях «Год в Европе и на европейских морях» Д. В. Григоровича, «Фрегат «Паллада» И. А. Гончарова и «Сандвичевы острова» И. И. Льховского. Рецензент отмечает, что лучше всех эта задача выполнена И. А. Гончаровым, который дал типические образы моряков Тихменева, Зеленого, матроса Фаддеева и других, реалистически описал

ураган и бури на море, нарисовал изумительные картины природы. Однако, по мнению Н. Рыкачева, о морской жизни сказано Гончаровым хорошо, но мало. «Мало» — это оценка очерков с точки зрения «Морского сборника», «хорошо» — оценка всех исследователей и читателей очерков путешествия «Фрегат «Паллада».

С морской тематикой очерков связано использование в произведении морской лексики, что позволяет автору создать колорит морского путешествия. Гончаров писал, что он «был поставлен своим положением, можно сказать, в необходимость касаться моря и моряков. Связанный строгими условиями плавания военного судна, он покидал корабль ненадолго — и ему приходилось часто сосредоточиваться на том, что происходило вокруг, в его пловучем жилище, и мешать приобретаемые под влиянием мимолетных впечатлений наблюдения над чужой природой и людьми с явлениями повседневной жизни у себя «дома», то есть на корабле»¹.

Морская лексика очерков связана с двумя темами: флота и моря. Принципиально новое внесено Гончаровым не только в изображение жизни и быта моряков, но и в описание морской стихии. В данной статье мы исследуем лексику флота.

Употребление Гончаровым морской лексики нельзя объяснить только стремлением создать в произведении колорит морского путешествия. Широко используя морскую терминологию, употребляя специфические морские слова и выражения, Гончаров преследовал еще и другую цель — познакомить читателей с флотом. «Моряки особенно жаловались мне на недостаток любознательности в нашей публике ко всему, что касается моря и флота, и приводили в пример англичан, которые толпами, с женами и детьми, являются на всякий корабль, приходящий в порт» (I, 19) — пишет он в очерках. И далее: «...Не знать петербургскому жителю, что такое, палуба, мачта, реи, трюм, трап, где корма, где нос, главные части и принадлежности корабля, — не совсем позволительно, когда под боком стоит флот» (I, 19).

Гончаров не просто вводит в текст очерков морскую лексику, чтобы познакомить с ней читателя или еще раз подчеркнуть морской характер путешествия. Он сопровождает незнакомые слова и выражения описаниями и объяснениями, что значительно увеличивает ценность использованного им лексического материала.

Лингвистический интерес, проявленный писателем к специфике морского словаря, его наблюдения над отдельными языковыми фактами, объяснения отдельных «морских» словечек и выражений составляют наиболее интересную часть его работы.

И. А. Гончаров умело сочетал использование морской лексики в стилистических целях с ее лингвистическим анализом.

¹ И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада», М., 1957, т. I, стр. 4. В дальнейшем на текст ссылаемся указанием в скобках тома и страницы по этому изданию; шрифты подлинника в примерах не соблюдаются.

Морскую лексику очерков путешествия «Фрегат «Паллада» можно разделить на две большие группы. Первую составляют слова-термины, вторую — вообще словарь «морского» языка.

Морская терминологическая лексика включает названия судов, описание фрегата и его парусной системы и отвечает задаче автора — создать колорит морского путешествия и познакомить читателя с флотом.

Часто встречаются в очерках слова: *флот* — рыбачий флот (II, 86), военный, купеческий флот (II, 306), *судно* — военное судно (I, 4), флот купеческих трехмачтовых судов (II, 97), *эскадра* (I, 129). Слова эти являются широко употребительными в русском языке в настоящее время и зафиксированы в тех же значениях уже в «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г.²

В тексте очерков путешествия употреблены следующие названия судов: *пароход* (I, 26), *шлюпка* (I, 34), *баркас* (I, 60), *корвет* (I, 108), *фрегат* (I, 17), *ялик* (I, 266), *бриг* (II, 98), *гичка* (I, 282), *шкунa* (I, 108).

Впереди шла адмиральская *гичка*: ...Сзади ехал *катер* с караулом, потом другой, с музыкантами и служителями, далее *шлюпка* с офицерами, за ней *катер*... Сзади шел еще *вельбот*... (II, 37).

Эти названия даны без объяснения, так как автор считает, что они известны читателям. Все они отмечены в Словаре 1847 г. Приведены эти термины и в «Толковом словаре современного русского языка» под ред. проф. Ушакова со специальной пометой.

Названия судов, которые незнакомы читателям (Словарь 1847 г. их также не приводит), Гончаров объясняет:

В иных местах стояли на якоре американские, так называемые «клиппера», то есть большие трехмачтовые суда, с острым носом и кормой, отличающиеся красотой и быстрым ходом (II, 97).

Остались без объяснения в тексте только слова *верейка* (I, 55), *проа* (I, 269):

Изредка только английская *верейка*, как коза, проскачет по валам к Вайту или от Вайта в Портсмут (I, 55); ...бухты эти доступны только легким разбойничьим *проа* (I, 268—269).

По такому же принципу дано описание фрегата «Паллада». С первого же шага на корабль он «вглядывается в принадлежности судна»: *палуба* (I, 274), *трюм* (I, 18), *мачты* (I, 28), *ют* (I, 71), *рангоут*, *ванты* (I, 130), *снасти*, *реи* (I, 131), *батарейная палуба* (I, 84); описывает жилые помещения: *капитанскую каюту* (I, 76), *каюты офицеров* (I, 21), *кают-компанию*: «Он привел меня в кают-компанию, просторную комнату внизу, на кубрике, без окон, но с люком наверху, через который падает обильный свет» (I, 21); вооружение фрегата: *52-пушечный фре-*

² В дальнейшем — Словарь 1847 г.

гат (II, 131), орудия (I, 304). Ничто не ускользает от внимательного взгляда писателя.

Из этого раздела Гончаров объясняет слова: *камбуз*: «Камбуз (печь) запылал...» (I, 21); *сетки*: «Сетки (то есть край корабля)» (I, 305); *грот-мачта*: «Грот-мачта — это бревно, фут во сто длины и до 800 пуд весом, которое держится протянутыми с вершины ее к сеткам толстыми, смолеными канатами, или вантами» (I, 305).

Из всех вышеприведенных слов-названий только слово *сетки* не отмечено в Словаре 1847 г. Не приведено оно и в словаре Ушакова. Следовательно, Гончаров употреблял в очерках такие морские термины, которые уже были зафиксированы в академическом словаре русского языка, а не только в специальных морских словарях³.

Гончаров не злоупотребляет специальной терминологией, а знакомит читателей с морской лексикой постепенно, на протяжении всей книги, умело дозируя ее с иными лексическими пластами.

Так же тщательно описывает Гончаров систему парусов на фрегате: *брамсели* (II, 85), *марсель* (II, 85), *грот-трисель* (II, 287), *бизаньшкот* (II, 242), *грота-брас* (II, 89). Названия парусов (они приведены в Словаре 1847 г.) объяснениями в тексте не сопровождаются:

Когда слышишь приказание: «Поставить брамсели, лиселя», покойно закуты-ваешься в одеяло и засыпаешь беззаботно: значит, тихо, покойно (I, 25) ...Вдруг сделалась какая-то суматоха, послышалась ускоренная команда, лейтенант Савич гремел в рупор над ревом бури.

— Что такое? — спросил я кого-то.

— Фок разорвало, — говорят.

Спустя полчаса трисель вырвало. Наконец разорвало пополам и фор-марсель... Ванты ослабели, бензеля поползли и грот-мачта зашаталась, грозя рухнуть (I, 305).

Обладая тонким чутьем языка, Гончаров не только дает названия парусов, но, что гораздо важнее, — воспроизводит систему синтаксических связей слова *парус* с другими словами:

1. Гребцы бросили весла и, *поставив парус*, сами сели на дно шлюпки... (I, 55).
2. Капитан распоряжался *привязкой парусов* (II, 82).
3. ...Решено было на якорь не становиться, а *держаться на парусах* в течение дня... (I, 88).
4. ...Тянут снасти, поворачивают рен, *подбирают паруса* (I, 17).
5. Ветер иногда падал совсем, и *обезветренные паруса* тоже падали, хлопая о мачты (I, 116).
6. Моряки *катаются непременно на парусах*, стало быть в ветер... (II, 75).
7. После тревоги показали *парусное ученье*: в несколько минут отдали и убрали паруса (II, 178).
8. ...Показалось большое купеческое судно, *мчавшееся под всеми парусами* прямо на риф (II, 202).
9. Едва достает рук *управляться с парусами*... (II, 207).
10. [Шкуна] *обвесилась парусами* (II, 324) и т. д.

Это ряд типичных морских фразеологических оборотов.

Разнообразны лексико-синтаксические связи и другого морского термина — *якорь*.

³ Морской словарь, содержащий объяснения всех названий, употребляемых в морском искусстве, сочинил адмирал А. С. Шишков, СПб, 1832—1840, т. I, II, III.

1. Мы бросили якорь (II, 306). 2. Отдали третий якорь (II, 29). 3. Мы снялись с якоря (I, 23). 4. «Что вы! Бог с вами: типун бы вам на язык — на якорь становимся!» (I, 129). 5. ...Писал его (письмо. — Т. П.) во время стоянки на якорю, в Зунде (I, 35).

Вышеприведенные фразеологические обороты со словами *парус* и *якорь* являются по своему характеру фразеологическими сочетаниями, выражающими в целом отдельные понятия. Слова *парус* и *якорь* ограничены в связях своей семантикой и могут сочетаться с определенным кругом слов, хотя круг этот, как показывают примеры, довольно обширен.

Характеристика семантических связей этих слов и других морских терминов возможна потому, что Гончаров не просто употребляет эти слова, а органически вводит их в ткань повествования.

Внимание Гончарова обращено, однако, не только на терминологию морских названий. Словарь специфических морских слов и выражений также широко представлен в его произведении.

Писатель вводит в текст очерка слова команды:

1. «Пошел все наверх!» — раздается и среди ночного безмолвия (I, 25). 2. Свиста... всех наверх рифы брать (I, 245).

Гончаров объясняет последний фразеологизм: «Как навести уши, когда велят «брать два, три рифа», то есть уменьшить парус» (I, 25); встречаются типичные морские фразеологизмы: *узкость проходим* (I, 308), *отправить на бак* (I, 34), т. е. наказать; указание на морскую меру времени: «Давно ты тут?» — «В начале седьмой склянки, ваше высокоблагородие» (II, 14); «Третья склянка! зовут, ваше высокоблагородие», — сказал он...» (I, 79).

Среди этих фразеологизмов мы встречаем фразеологические единства — *узкость проходим*, т. е. узкое место, *отправить на бак*, выражающие одно понятие, и прямое калькирование с английского языка — *пошел все наверх*, *свистать всех наверх*. Гончаров отмечает: «По-английски, если не ошибаюсь, и командуют «все руки вверх!» (all hands up!)» (I, 18).

Цель использования типичных морских фразеологических оборотов ясна: они хорошо передают быт и нравы на море.

Особенно интересна семантика отдельных «морских» слов, употребленных И. А. Гончаровым в «Очерках путешествия».

В этой группе морской лексики можно выделить слова, отмеченные Словарем 1847 г. и, следовательно, вошедшие в словарный состав русского языка, и слова, которые или отсутствуют в этом словаре, или имеют другое значение, иной оттенок значения.

В число первых входят: *отвалить*, *лавировать*, *травить*, *остойчивость*, *рыскать*, *втягиваться*, *вытянуться*.

Отвалить. «Назначено было *отвалить* нам от фрегата в одиннадцать часов утра» (II, 143). Словарь 1847 г. — *отваливать* — отпихи-

ваться от берега, отходить прочь с судном (т. III, стр. 96). Словарь Ушакова — *отвалить* (мор.). О судах: отойти, отплыть от пристани (т. II, стр. 899).

Гончаров по поводу этих слов пишет: «Вы улыбаетесь при слове *отваливать*: в хорошем обществе оно не в ходу; но у нас здесь *отваливай* — фешенебельное слово» (II, 143), т. е. типичное в языке моряков. Он использует его для создания фразеологизма *отвалить из отчества*: «Помните, как дениво уезжал я из Петербурга, и только с четвертою попыткой удалось мне «отвалить» из отчества» (I, 55). Типичное морское слово *отваливать* введено Гончаровым в «хорошее общество» слов русского литературного языка.

Лавировать. Употребляя это слово впервые, Гончаров объясняет его: «В штиль судно дремлет, при противном ветре *лавирует*, то есть виляет, обманывает ветер и выигрывает только треть прямого пути» (I, 26). Дает Гончаров и производные слова от этого глагола: «Здесь застал нас штиль, и потом подул противный ветер; надо было *лавировать*. «Куда же вы? — говорили японцы, не понимая *лавировки*, — вам надо сюда, налево» (II, 9); «...поскорей *отлавировываться* от берега...» (II, 316—317).

В современном русском языке употребляется глагол *лавировать* (*лавировать* — о парусном судне: двигаться вперед против ветра по ломаной линии то правым, то левым галсом, т. е. иметь ветер то с правой, то с левой стороны (мор. Сл. Ушакова, т. II, стр. 16), а его производные *лавировка*, *отлавироваться* характерны только для морского словаря. Во времени Гончарова Словарь 1847 г. отмечал наряду со словом *лавировать* (мор. при противном ветре направлять курс корабля как можно ближе к ветру, поворачивая корабль то на один, то на другой галс. Словарь 1847 г., т. II, стр. 241) и его производные *лавировка* и *лавировывать* (многократный глагол от *лавировать*, там же).

Травить. «*Травить, вытравливать* — значит выпускать понемногу канат» (I, 18), — пишет Гончаров. В этом значении слово употреблено в следующих случаях: «...У нас *травят* канат, шкуну взяли на бакштов...» (II, 90), «...Слышал, точно подземный грохот, стук *травимой* цепи и глухое, тяжелое падение другого якоря» (II, 29).

Но слово *травить* имеет еще одно значение в словаре моряков: «Что это, вас, кажется, *травит*?» (I, 18), — спрашивают у человека, которого тошнит от качки. Оба эти значения использованы и объяснены Гончаровым в тексте очерков.

Словарь 1847 г. (т. IV, стр. 292) дает только одно значение этого слова: *травить* — ослаблять, выпускать понемногу веревку, канат (мор.). В этом же значении дано слово *травить* и в словаре Ушакова (т. IV, стр. 766): *травить* — ослаблять, отпускать понемногу (мор.).

Гончаров использует глаголы *вытянулись*, *втягиваться* в специальном значении. «Через день, по приходе в Портсмут, фрегат *втянули в гавань* и ввели в док... (I, 39). «Вскоре мы *вытянулись* на рейд, стоим

здесь и ждем погоды» (I, 60). Эти глаголы употреблены в значении «вести судно в гавань и вывести его на рейд». Их значения в Словаре 1847 г. соответствуют вышеприведенным. *Втягивать* — втаскивать, вволакивать (о судне; т. I—II, стр. 483) и *втягиваться* — быть втягиваему; *вытянуться* — вытягиваться (мор.) о кораблях: выходить из гавани посредством завозов (т. II, стр. 237).

Остойчивость. «Фаддеев принес было мне чаю, но, несмотря на свою *остойчивость*, на пятках, задом помчался от меня прочь, оставляя следом по себе куски сахара, хлеба и черепки блюдечка» (I, 304).

Словарь 1847 г. дает: *остойчивость* — свойство *остойчивого*. *Остойчивый* — о корабле: покойный на воде, не валкий при волнении и мало наклоняющийся от напора ветра (т. III—IV, стр. 88). С пометой (тех. мор.) приведено это слово в словаре Ушакова: *остойчивость* — способность судна плавать в прямом положении и выпрямляться после наклонения (т. II, стр. 882).

Слова *задрать*, *принайтовать*, *тембировать* отсутствуют в Словаре 1847 г.

Их значение объясняет Гончаров в тексте очерков. *Тембирование* — капитальные исправления (I, 4). *Принайтовать*, *задрать*: «Мне будет казаться, что мебель надо «принайтовать», окна не закрыть ставнями. а «задрать» (I, 57); «...*принайтавливали* мебель в каютах...» (I, 246). Слово это в словаре Ушакова определено следующим образом: *Принайтовать* — (мор.) привязать, прикрепить найтовом (т. III, стр. 823). Слова — *тембировать* и *задрать* отсутствуют и в словаре Ушакова.

Следующую группу составляют специфические морские слова, которые хотя и приведены в словарях, но в морской лексике имеют иные значения или иные оттенки. К ним относятся: *огневой*, *рыскать*, *определяться*.

Определяться: «Не мешайте: иду определиться!» — отвечал он и шел, не оглядываясь, ловить солнце» (I, 82).

Словарь 1847 г. дает только следующие значения этого слова: *определяться* — 1) поступать в должность, на место; 2) быть определяемому (т. III, стр. 73).

В словаре Ушакова дано и специальное значение этого слова: *определяться* — страдат. к определять; определяться (спец.) определить свое местонахождение, положение (т. II, стр. 831).

Рыскать — «Один оттолкнул рулевого, который давал шкуне *рыскать...*» (II, 92).

Словарь 1847 г. — *рыскать* — 1) скоро бежать или бегать; 2) постепенно ходить по разным местам без дела (т. IV, стр. 81). Пометы (мор.) пет. *Рыскать* в словаре Ушакова объяснено: плыть по течению, маневрировать (мор.). О парусном судне — поворачиваться носом к ветру (т. III, стр. 1418).

Огневой — «Его называют огневой, потому, что он смотрит, между прочим, за огнями; и когда крикнут где-нибудь в углу: фитиль! он мчится что есть мочи по палубе подать огня» (II, 71).

В Словаре 1847 г. есть только *огневый* — пр. соединенный с огнем, с жаром, воспалительный.

В словаре Ушакова *огневой* — прилаг. по значению связано с действием огня: 1) технич., 2) военное, 3) переносное (т. II, стр. 747).

Хотя эти слова и широко употребительны в русском языке, но они имеют в морском словаре другие оттенки в значении и воспринимаются в очерках как специфически морские.

Писатель очень умело вводит в текст незнакомые морские слова. Сначала он приводит новое слово, выделяя и объясняя его, а потом уже употребляет без объяснения, как знакомое читателю. Но «морским» словам Гончаров не дает в тексте полных «прав гражданства». Он редко пользуется ими в целях юмора и сатиры, почти не образует с ними новых фразеологических оборотов и не использует их в сравнениях.

Если и встречаются изредка в тексте сравнения такого типа, как *матросы, как мухи* и т. п., то обратных сравнений, когда бы слово морского словаря служило определением при сравнении, мы не встречаем.

1. Матросы, как мухи, тесной кучкой сидят на вантах, тянут, крутят веревки, колотят деревянными молотками (I, 306); 2. Ведь корабль, как он ни прочен, как ни приспособлен к морю, что он такое? — шепка, корзинка, эпиграмма на человеческую силу (I, 12).

Среди фразеологизмов, созданных Гончаровым на материале морской лексики, можно отметить следующие:

1. «Отвалить» из отечества (I, 55). 2. Конечно, нужно иметь матросский желудок, то есть нужен *моцион матроса*, чтобы переварить эти куски солонины и лук с вареной капустой — любимое матросами и полезное на море блюдо (I, 24). 3. ...Корабль погибает не легко и не скоро, ...он до *последней доски борется* с морем и носит в себе пропасть средств к защите и самохранению... (I, 29).

Среди них мы встречаем только фразеологические сочетания, т. е. устойчивые сочетания слов, в которых имеются слова со связанным и свободным употреблением.

Однако постоянный состав компонентов фразеологических сочетаний нарушен во фразеологизмах Гончарова, поэтому они воспринимаются как новообразования. Их можно квалифицировать как образование новых индивидуально-художественных оборотов, использующих структуру и отдельные элементы общезыкового оборота⁴.

Несколько богаче и разнообразнее использование морской лексики в стилистических целях.

Неоднократно употребляя в тексте морской термин *галс* в значении курса судна относительно ветра («Мы через рейд отправились в город, гоняясь по дороге с какой-то английской яхтой, которая ложилась

⁴ Ср. Н. М. Шанский. Основные свойства и приемы стилистического использования фразеологических оборотов. «Русский язык в школе», 1957, № 3.

то на правый, то на левый галс, грациозно описывая круги». I, 283), Гончаров использует это слово в переносном значении: «Капитан подшучивал надо мной, глядя, как я проснусь, посмотрю сонными глазами вокруг и перелягу на другой диван, ища прохлады. «Вы то на правый, то на левый галс ложитесь!» — говорил он» (I, 302).

Иронически описывая свою беспомощность во время качки, Гончаров употребляет фразеологизм *морские ноги*, который бытует в лексике моряков: «*Морских ног* нет у вас», — сказал он. «А скоро будут?» — спросил я. «Месяца через два, вероятно» (I, 18). И дальше: «А вы это все сидите? Еще не приобрели *морских ног*». — «Я и свои потерял», — сказал я» (I, 77). «Я бросил все и пошел ходить по шканцам; но и то не совсем удачно, хотя я уже и *приобрел морские ноги*» (I, 303).

Гончаров не объясняет этого выражения, но его значение нам становится ясным из контекста — *приобрести морские ноги* значит — приобрести способность передвигаться на корабле во время качки.

Типичное морское уставное выражение *держаться курс*, встречающееся в тексте в прямом значении («Дед пальцем показывал рулевым, как *держаться* в пролив между ними» I, 86), использовано Гончаровым в юмористических целях: капитан не хотел приближаться к лодкам, так как «военным судам разгуливать по морю некогда», но все же, «чтоб не брать греха на душу, велел *держаться на рыбаков*» (I, 30). Гончаров наполняет этот фразеологизм новым содержанием: «Мы... пробыли в Немецком море столько, что имели бы время сворачивать и *держаться на каждого рыбака*, которого только завидим» (I, 30).

Оригинально используется Гончаровым морской термин *авральная работа*. «Свистят всех наверх, когда есть авральная работа...» (I, 17). Сам Гончаров объясняет этот термин так: «Авальная работа значит — общая работа, когда одной вахты мало, нужны все руки, оттого всех и «свистят наверх!» (I, 18).

Описывая свой приезд на фрегат, Гончаров замечает, что «офицеров никого не было в кают-компании: все были наверху, вероятно «на авральной работе» (I, 21). Из разговора с А. А. Болтиным (офицером на фрегате) Гончаров узнает, что под ним «уже лежит пятьсот пудов пороху и что в эту минуту вся «авральная работа» сосредоточена на том, чтобы подложить еще пудов триста» (I, 21). Объяснив, что означает термин *авральная работа*, писатель использует этот термин в дальнейшем в целях юмора и сатиры. В следующем случае юмор положения углублен у Гончарова новым пониманием выражения *авральная работа*. «Я думал, судя по прежним слухам, что слово «чай» у моряков есть только аллегория, под которую надо разуть пунш, и ожидал, что когда офицеры соберутся к столу, то начнется *авральная работа за пуншем...*» (I, 22).

Восприняв слова *авральная работа* в значении «общее дело», Гончаров именно в таком значении употребляет их даже в контексте, не связанном с морской тематикой: «Обед — это тоже своего рода авральная работа» (I, 24).

Следует отметить также наблюдения Гончарова над речью моряков. «Фаддеев!» — закричал я в ужасе. «Фаддеев!» — повторил один матрос. «Фаддеев!», «Фаддеев!» — повторил другой и за ним третий, потом третий заглянул ко мне в каюту. «Они на кубрике, ваше высокоблагородие, — сказал он, — сейчас придут». — «Кто они?» — спросил я. «А Фаддеев» (I, 76).

Приведя этот диалог, Гончаров подчеркивает, что «матросы иначе в третьем лице друг друга не называют, как *они* или *матросиком*, тогда как, обращаясь один к другому прямо, изменяют тон. «Иди, Сенька, дьявол, скорее! Тебя Иван Александрович давно зовет», — сказал этот же матрос Фаддееву, когда тот появился. «Ну, ты разговаривай у меня, сволочь!» — отвечал Фаддеев шепотом, показывая ему кулак. Это у них вовсе не брань: они говорят не сердясь, а так, своя манера. Когда же хотят выразиться нежно, то называют друг друга *братишкой*» (I, 76).

Слово *матросик* в этом значении отсутствует в Словаре 1847 г., в словаре Ушакова и даже в словаре Даля. Не отмечено в словаре Даля слово *братишка*. Словарь 1847 г. квалифицирует его только как уменьшительное от слова *брат* (т. I, стр. 80). И только в словаре Ушакова слово *братишка* отмечено как просторечное, отличающееся фамильярностью (т. I, стр. 182), т. е. дано в том же значении, в котором его отмечает И. А. Гончаров.

Характерно, что Гончаров не просто фиксирует языковые факты в речи моряков, являющиеся отклонениями от литературной нормы, но и пытается дать им объяснение. «Сволочь эти асеи!» (так называют матросы англичан от употребляемого беспрестанно в английской речи — *I say* (*я говорю, послушай*)) (I, 59).

Отмечено Гончаровым и звуковое искажение английского слова шиллинг в речи матросов: «Черти этакие: с ними не сообразишь! — говорил он (Фаддеев. — Т. П.), воротясь, — вчера *полшильника* просил, а теперь хочет *шилльник*» (шиллинг). — «Да как ты там говоришь с ними?» — «По-англичански». — «Как ты спросишь?» — «А вот возьму в руку вещь, да и спрошу *омач?*» (*how much?* — что стоит?)» (I, 279).

Фаддеев не только по созвучию сближает незнакомые ему слова со словами русского языка, но и придает «чужому» слову привычное грамматическое оформление. Так, морской термин *фордевинд* (гол. *voorde-wind*) — (мор.) ветер, совпадающий с курсом судна, или ветер, дующий прямо в корму (Сл. иностр. слов, М., 1954, стр. 743), он переделал в существительное *фордак* по типу словообразования существительных со значением предмета с непродуктивным в настоящее время суффиксом *ак*. «Не люблю я фордевинда или *фордака*, как Фаддеев называет этот ветер: он дует с кормы, следовательно реи и паруса ставятся тогда прямо. Судно, держась на одном киле, падает то на правую, то на левую сторону» (II, 214), — пишет И. А. Гончаров.

Использовано И. А. Гончаровым в очерках морское просторечное слово *купец* как название купеческого корабля.

«Купец наваливается, ваше высокоблагородие!» (I, 27). Гончаров дает следующее объяснение семантики этого слова: «В самом деле, купеческое судно, называемое в море коротко «купец», для отличия от военного, сбитое течением или от неумения править, так и ломит или на нос, или на корму...» (I, 27).

Анализируя морскую лексику произведения «Фрегат «Паллада», мы убеждаемся, что Гончаров использует ее не только в эстетических целях, как другие мастера художественного слова, но обнаруживает серьезный лингвистический подход к наблюдаемым языковым явлениям. Об этом же свидетельствует очерк «Через двадцать лет», написанный Гончаровым в 1874 г. (впервые опубликован в сборнике «Складчина» в 1874 г.). В 1879 г. Гончаров включил его в состав «Фрегата «Паллада», изданного отдельной книгой.

Очерк «Через двадцать лет» тематически дополняет произведение Гончарова и содержит ценные наблюдения и высказывания лингвистического характера.

Описывая «морально-страшную» для себя минуту, когда ему, чтобы составить первый рапорт, пришлось взять в руки шканечный журнал, «где шаг за шагом описывается все плавание», Гончаров рассказывает о своем первом знакомстве с «морским языком».

«Положили марсель на стеньгу», — «взяли грот на гитовы», — «ворочали оверштаг», — «привели фрегат к ветру», — «легли на правый галс», — «шли на фордевинд», — «обрасопили реи», — «ветер дул NNO или SW». А там следуют «утлегарь», «ахтер-штевень», «шкоты», «брассы», «фалы» и т. д., и т. д. (II, 418—419). «Среди этих терминов из живого слова только и остаются несколько глаголов, и между ними еще вспомогательный: много помощи от него!» (II, 419).

Однако это «событие» послужило для Гончарова прекрасным уроком: в очерках приведено, сравнительно с общим объемом книги, мало специальных морских терминов и выражений (всего отмечено около 400 случаев использования морской лексики), их употребление дано на фоне других лексических пластов, большинство из этих слов выделено и объяснено в тексте же, а не в сносках, т. е. органически введено в ткань повествования.

Писатель видел в морской лексике два пласта: «Кроме этих терминов, целиком перешедших к нам при Петре Великом из голландского языка и усвоенных нашим флотом, выработалось в морской практике еще свое особое, русское наречие» (II, 419). Это замечание свидетельствует о высокой лингвистической чуткости автора очерков.

Особый интерес у писателя вызывает именно *русское наречие* в языке моряков. «Например, моряки говорят и пишут: «приглубый берег», то есть имеющий достаточную глубину для кораблей» (II, 419). Сам Гончаров также употребляет это выражение в очерках: «бухта удобна, берега приглубы, суда закрыты от ветров» (II, 77). «Это очень хорошо выходит по-русски, так же как, например, выражение: «остойчивый»,

«остойчивость», то есть прочное, надлежащее сиденье корабля в воде; «наветренная» и «подветренная» сторона или еще: «отстояться на якоре», то есть воспротивиться напору ветра и т. д. И таких очень много. Некоторые из этих выражений и подобные им, например, «вытравливать (вместо выпускать) канат или веревку», — и т. п., просятся в русскую речь и не в морском быту» (II, 419). И мы действительно знаем, что некоторые слова вошли в русский литературный язык из речи моряков.

Проявляя замечательное языковое чутье, Гончаров постоянно употребляет в тексте очерков глагол *идти* по отношению к движению судна, вместо *ехать*, мотивируя это тем, что моряки говорят *пришли*, а не *приехали!*. («...боже вас сохрани сказать когда-нибудь при моряке, что вы на корабле «приехали»: покраснеют!» (II, 418). «Я изучил его (Фаддеева. — Т. П.) недели в три окончательно, то есть пока *шли* до Англии: он меня, я думаю, в три дня» (I, 20).

Но зато городской слуга Гончарова, человек ничего общего не имеющий с морем, употребляет глагол *ехать*. «Барин! — сказал он встревоженным и умоляющим голосом, — *не ездите*, Христа ради, по морю!» (I, 22).

Так же по морскому называет Гончаров путешествие *походом*, так как корабль, на котором он совершил плавание, был военным. «В путешествии, или «походе», как называют мои товарищи, пока еще самое лучшее для меня — надежда воротиться» (I, 69). «25-го сентября — ровно год, как на «Палладе» подняли флаг и она вышла на Кронштадтский рейд: значит, *поход* начался» (II, 60).

«Но зато мелькают между ними (морскими словами. — Т. П.) — очень редко, конечно, и другие — с натяжкой, с насилием языка. Например, моряки пишут: «Такой-то фрегат где-нибудь в бухте стоял «мористо»: это уже не хорошо, но еще хуже — выходит «мористее», в сравнительной степени. Не морскому читателю, конечно, в голову не придет, что «мористо» значит близко, а «мористее» ближе к открытому морю, нежели к берегу».

«Это «мористо» напоминает двустишие какого-то проезжего (не помню, от кого я слышал), написанное им на стене, после ночлега в так называемой «чистой горнице» постоялого двора: «действительно, здесь чисто, — написал он, — но тараканисто, блохисто и клописто!» (II, 419—420).

Поэтому Гончаров, конечно, приводит в очерках не все слышанное им на протяжении трех лет плавания в речи моряков и сам не создает неологизмов, связанных с морской лексикой.

Пожалуй, к их числу можно отнести только фразеологизм «судно *окрылилось* парусами». Этого слова нет в Словаре 1847 г., есть только глагол *окрылатеть* — обрасти крыльями; в словаре Ушакова дано только значение *окрылиться* — воодушевиться, исполниться душевного подъема, т. е. метафора (т. II, стр. 795). Глагол *окрылилось* не отмечен в словарях,

поэтому можно считать это слово неологизмом, созданным Гончаровым. Такой вывод позволяют сделать следующие примеры:

1. ...Матросы полезли на марсы и... фрегат *распустил крылья* (II, 84). 2. ...Только наш катер отвалил, сейчас же *окрылился* фоком, бизанью и кливером, сильно лег на бок и понесся пуще всякой тройки (II, 75). 3. Оно, пожалуй, красиво смотреть со стороны, когда на бесконечной глади вод плывет корабль, *окрыленный* белыми парусами, как подобие лебедя (I, 26). 4. Все чetyреста человек экипажа столпились на палубе, раздались командные слова, многие матросы поползли вверх по вантам, как мухи, облеплили рен, и судно *окрылилось парусами*⁵ (I, 17).

Эти примеры иллюстрируют развитие образа *паруса-крылья* в неологизм *окрылиться*.

JURININKYSTĖS LEKSIKA I. GONČIAROVO „FREGATOJE „PALADA“

T. PROKOFJEVA

Re z i u m ě

Su I. Gončiarovo kelionės apybraižų „Fregata „Palada“ jūrininkystės tematika susijusi ir kūrinyje naudojama jūrininkystės leksika.

Straipsnyje nagrinėjama jūrininkystės leksika sudaro dvi grupes: žodžius-terminus ir specifinį jūreivių vartojamų žodžių bei posakių žodyną.

I. Terminologijos leksikai priklauso laivų pavadinimai, fregatos ir jos burių sistemos aprašymas. Ją vartodamas, autorius norėjo sukurti jūrų kelionės koloritą ir supažindinti skaitytojus su laivynu.

II. Ypač įdomi atskirų I. Gončiarovo apybraižose vartojamų jūrininkystės žodžių ir posakių semantika. Iš jų išsiskiria žodžiai, įtraukti į 1847 m. „Bažnytinės slavų ir rusų kalbos žodyną“ ir įjėję į rusų kalbos žodyninę sudėtį, bei žodžiai, kurių žodynas neduoda arba duoda kita reikšme ar atspalviu.

Straipsnyje taip pat nagrinėjama, kaip jūrininkystės leksika naudojama stiliaus sumetimais.

Iš kūrinio „Fregata „Palada“ jūrininkystės leksikos analizės daroma išvada, kad I. Gončiarovas naudojo ją ne tik estetiniais tikslais. Jis į stebimus kalbos reiškinius žiūri rimtai, galima sakyti, mokliškai.

Kūrinyje pateikta maža specifinių jūrininkystės terminų ir posakių (iš viso apie 400). Be to, jie vartojami kitų leksinių grupių fone, dažniausiai, išskirti ir paaiškinti čia pat tekste, o ne išnašose, t. y. organiškai įjungti į pasakojimo audinį.

⁵ Глава «От Кронштадта до мыса Лизарда» закончена одной из последних, хотя и является первой. Она впервые напечатана в конце в 1856 г. в № 6 журнала «Русский вестник». Значит, такая последовательность приведенных примеров хронологически оправдана.

I. Gončiarovas jūrininkystės leksikoje matė du sluoksnius — terminologiją, paskolintą daugiausia iš olandų kalbos Petro Didžiojo laikais, ir „ypatingą rusišką šnektą“, kuri susikūrė jūrininkystėje.

Rašytojas ypač domėjosi kaip tik šia jūreivių kalbos „rusiška šnektą“ Tačiau ne visiems „šnektos“ reiškiniams Gončiarovas pritaria ir ne viską, ką per trejus jūrų kelionės metus nugirdo iš jūreivių kalbos, vartoja apybraižose. Pats rašytojas jūrininkystės naujadarų nekuria.
